

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

стлившись напасть на поминальный памятник, субурган, в котором было заключено огромное количество различных предметов, главным образом, предметов буддийского культа и целая библиотека. В Хара-хото П. К. Козлов нашел рукописи и печатные книги на следующих языках: китайском (среди которых есть несколько датированных), монгольском, персидском, тибетском и, наконец, на языке Си-ся или тангутском, письмена которого до сих пор остаются не дешифрованными, хотя многое уже и сделано в этом направлении. Все эти материалы, конечно, должны чрезвычайно обогатить, расширить и углубить наши познания об Азии, о Востоке вообще, им суждено также создать особую ветвь знания: тангутоведение, чрезвычайно важное, помимо всего другого, для изучения Китая и Тибета, потому что уже теперь с несомненностью можно говорить о том, что язык Си-ся был языком родственным китайскому и тибетскому, двум могучим культурным языкам Востока.

В книге П. К. Козлова кроме описания произведенных в Хара-хото работ приведена статья, впервые печатающаяся, В. Л. Котвица о монгольских документах, выдающаяся по своему значению и интересу, а затем перепечатана значительная часть книги С. Ф. Ольденбурга «Материалы по буддийской иконографии Хара-хото», по основаниям, П. К. Козловым не объясненным: прекрасная книга С. Ф. Ольденбурга, ведь, общеизвестна.

Что касается описания произведенных раскопок, то, к сожалению, автор ограничился лишь очень кратким и общим рассказом о них; дан только один общий план города. Даже субурган, доставивший П. К. Козлову главную массу археологического материала, описан почему-то чрезвычайно кратко и суммарно. Читатель так и остается в неведении, в каком порядке лежали найденные предметы, не знает в деталях внутреннего расположения здания и других чрезвычайно важных для археолога подробностей. По прочтении описания встает масса недоуменных вопросов, на которые книга никакого ответа не дает. Опубликование подробного описания городища Хара-хото, различных планов и точного обозрения произведенных раскопок значительно повысило бы цену блестящих находок П. К. Козлова, чрезвычайно облегчило бы разработку найденного материала и определило бы путь дальнейших исследований и раскопок.

Книга П. К. Козлова снабжена отличными картами и очень большим количеством превосходных иллюстраций, значительная часть которых, впрочем, является репродукцией того, что уже давно появилось в печати. Книга снабжена также подробным указателем.

Б. Владимирцов.

— А. Турунов. Прошлое бурят-монгольской народности. (Популярный историко-этнографический очерк). Пркутск, 1922. Изд. Отд. Нар. Обр. Бурят-монгольской Авт. Обл. 48 стр.

Проф. Н. Пальмов. Очерк истории Калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. Изд. Авт. обл. Калмык. труд народа. 137 стр. (Отд. отт. из журн. «Ойратские Известия», 1922, № 1—2).

Предоставление разным восточным народностям автономии вызвало у них усиление интереса к своему прошлому, и в результате мы имеем 2 указанные выше работы, касающиеся истории бурят и калмыков.

История бурятского народа, жившего съездами на периферии расселения монгольских племен и не создавшего единого политического центра, не блещет внешними событиями. Только появление русских в XVII в., осложнило политическую жизнь бурят, но и тут приходится отмечать хотя и частные, но в общем мелкие столкновения с пришельцами. Естественно поэтому, что автор сосредоточил свое внимание главным образом на этнолого-экономических вопросах, при чем свою задачей поставил лишь популяризацию накопленного материала и остановился на 20-х годах XIX в., в виду неразработанности самого важного источника для последующего периода — архивов местных испорочных учреждений. Этую задачу автор и выполнил в той мере, в какой это было возможно при наличных весьма скучных и часто противоречивых данных, и в своей небольшой, но компактной брошюре коснулся важнейших в интересовавшей его области вопросов, хотя и не все они освещены равномерно. Особенно подробно изложено развитие общественно-хозяйственных форм бурятского быта. Автор видимо вполне признается к мнению бурятского этнографа М. Н. Хангалова о том, что буряты первоначально были чистыми звероловами, у которых весь уклад жизни базировался на общественных облавах (зэгээтэ-аба), руководившихся шаманами, а.—полагая, что облавы объединяли народ в один союз-коммуну, автор идет даже несколько дальше. Конечно, в существовании у бурят в отдаленную эпоху их прошлого коллективных облав в широком масштабе не приходится сомневаться, но нужно иметь в виду, что организация и значение этого института восстанавливается Хангаловым, как правильно указывает автор, на туманных и отрывочных преданиях эпического характера, из которых при том только небольшая часть для нас доступна. Поэтому необходимо, не преклоняясь перед автори-

тетом Хангалова и всецело подписавшегося под его выводами Д. А. Клеменца, подвергнуть их детальной разработке и прежде всего собрать и издать материалы, на которых построена вся теория. Пока же должно остаться под сомнением, можно ли говорить о бурятском народе в эпоху загээт-аба, как об едином целом. Далее сам автор теории признает, что буряты той эпохи были конным народом, и облавы производились на коне — следовательно, на лицо именно та форма быта, которая констатирована в крупном масштабе в столь поздний период, как XVII в. Широкое распространение бурят этого периода А. Н. Турунов, исходя из теоретических предпосылок, объясняет их размножением, но для этого должен быть предварительно точно установлен самый факт размножения, тем более, что аналогичное распространение допускают данные Рашид-ад-дина уже для XIII в. Вообще же оказывается потребность в установлении хотя бы приблизительных хронологических и территориальных вех. Обращает также внимание, что автором совершенно не приняты в соображение данные археологии.

Вопрос об участии бурятских племен в войнах Чингис-хана и в последующих событиях требует, конечно, дальнейшего выяснения, но характерно то, что у этих племен не находим ни в прошлом, ни теперь той формы наследственной власти, которую сохранили все остальные монгольские племена и которая видимо восходит к эпохе мирового господства монголов.

Из частных неточностей можно отметить именование (дважды) меркитов — меркитами, приписывание названия Хара-балгасун не только уйгурской, но и монгольской столице, причисление татар, вошедших в состав бурятского народа, к племенам чуждого, а не монгольского происхождения. Даты введения у монголов уйгурского алфавита (1204), образования ойратского союза (1393) и первого знакомства русских с бурятами (1622) не могут считаться точными. Перечень источников и пособий страдает существенными пробелами; укажем хотя бы на пропуск «Образцов народной словесности монгольских племен», собранных Ц. Жамдараю и издаваемых с 1913 г. Р. Акад. Наук, а также работ А. Д. Руднева по монгольскому языку, в том числе «Хориг-бурятский говор» (3 ч.).

Иной характер носит работа Н. Н. Пальмова. Калмыцкий народ состоялся из одного племени — торгутов, к которому присоединились лишь небольшие части других племен, и все это очень рано объединилось вокруг торгутских вождей, благодаря чему калмыки образовали довольно сильный политический организм, который оказывал весьма заметное влияние на юго-

восточную Россию. У этого народа есть своя политическая история, и автор излагает ее в последовательном ходе событий. Социально-экономическая жизнь не затрагивается ввиду необходимости предварительной разработки соответствующих архивных документов, и только области национального законодательства (законы 1640 г., Дондук-даши и Зинзилинские 1822) посвящены специальные отделы. Работа, по словам автора, составлена менее чем в 3 месяца, но все же использованы как имевшиеся в Астрахани печатные источники, так и многочисленные документы из местного архива б. Калмыцкого управления, что предполагает предварительную подготовительную работу. Конечно, написать настоящую историю Калмыцкого народа можно будет только по обследованию не только Астраханского, но и Московских архивов, но и то, что уже удалось сделать автору, обеспечивает его труду не переходящую ценность, и можно лишь пожелать, чтобы начатые Н. Н. Пальмовым архивные изыскания были доведены до конца: он это может сделать лучше, чем кто бы то ни было.

Документы Астраханского архива начинаются с 1713 г. и естественно поэтому, что для предшествующего 100-летнего периода автор находился в полной зависимости от печатных источников и должен был во многом лишь повторить установившиеся взгляды. Данные Московских архивов за XVII в. дают, однако, несколько иное освещение ряду вопросов. Движение ойратов, в том числе торгутов, из Джунгарии на запад началось с самого начала XVII в. и носило отнюдь не медленный характер: они двигались столь быстро и столь широким фронтом, что уже в первое десятилетие этого века присутствие их отрядов констатировано и на Тоболе, и на Урале, и в Хорезме (близ Ургенча). Никакого выделения торгутов из ойратского союза, поскольку он существовал, не происходило: связь между членами союза поддерживалась самая тесная, и действия их были согласованы. Центр пребывания калмыков в указанных пределах постоянно перемещался в зависимости не только от политической обстановки, но и от времени года. Чаще всего он находился на Эмбе и только после 1630 г. стал появляться и на Волге. 1618 и 1628 г. это лишь отдельные эпизоды в их не прекращавшихся раскочевках на обширном пространстве между Джунгарии и Волгой. Большая изолированность калмыков от ойратского союза началась, по-видимому, только после смерти Хо-Брёйка.

Причины ухода из Джунгарии более сложны, чем это обыкновенно полагают. Территориальная стесненность, на которую справедливо указывает автор, вызывалась не только внутренними причинами, но

и прежде всего давлением извне — со стороны старайших врагов ойратов: монголов и киргизов. Это обстоятельство, на которое уже указывали Миллер и Фишер, не было однозначно в должной мере последующими писателями, но оно вполне определенно устанавливается архивными документами. В этом освещении общенародный съезд 1640 г., в котором, кроме ойратов, приняли участие и монголы, оставил древнюю вражду, получает особо знаменательный характер.

Отметим некоторые мелкие неточности. Именование одного из участников съезда 1640 г. «Тушету из Халхаса» вместо «Тушету-хана из Халхи» — неприемлемо. Разбитый Аюккой Аблай-тайша был хошутским, а не торгутским князем; это строитель известного Аблай-кита. Нельзя признать удачным изменение, повидимому, на основании архивных документов, некоторых принятых уже наименований: хунг-тайша вместо хунтайджи, Дондок вместо Дондук, торгоуты и хошуты вместо торгуты и хошуты, Ценден дорджи вместо Цеден дорджи, Шеаренг вместо Шеренг и др.

Работа Н. Н. Пальмова также заканчивается 20-ми годами XIX в.

В. Котвич

— В. А. Кряжин. Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке. Ч. I. Сирия и Палестина, Киликия, Месопотамия, Египет. Москва. 1923. 8° стр. 152. (Всероссийская научная ассоциация востоковедения при Народном Комиссариате по делам национальностей. Серия политico-экономическая, под ред. М. Павловича).

Серия «политико-экономическая» не может, конечно, обсуждаться по существу на страницах журнала, посвященного преимущественно вопросам литературы, искусства и сопредельными с ними областям науки. Это было бы непосильно и для референта, от специальности которого затронутые вопросы стоят слишком далеко. К сожалению, у нас по Востоку выходит так мало книг, что занимающемуся любой областью приходится отзываться на всякую работу, если она хотя бы территориально заходит в круг его занятий.

В данном случае от разбора суждений политических у автора приходится отказатьься, хотя чувствуется, что именно они составляют стержень работы. Это подчеркнуто и в заглавии, где на первый план выдвигается та тема, которая по объему занимает небольшую часть, завершающую каждый отдел; основная же часть посвящена обычному географически-экономическому очерку стран. Еще сильнее цели автора выражаются в самом стиле его работы, который в первой части подчи-

няется голосу фактов и цифр, но по мере приближения к современности начинает пестреть фразами, введенными в оборот газетной печатью («маргариновые права»; «прямолинейный солдафон»; эмир, «вышибленный пинком французского солдата»; «грубая солдафонская политика», «полочные приемы»; «комнатная собачонка империалистических колossов»; «политический недоносок»; «свора авантюристов»; «ублюдочная конституция» и т. д. и т. д.). Не говоря о том, что понятие «научной» ассоциации возлагает известные обязательства и на форму книги, включенной в серию ее изданий, такой тон делает непонятной ironию автора, когда он говорит (стр. 24) о смешении культуры с экономикой и политикой. Несомненно и то, что вырывающийся в такой форме эмоциональный элемент будет меньше убедителен даже для единомышленников автора, чем объективно изложенные факты.

Этими фактами автор располагает в достаточном количестве, хотя его источники односторонни, как он сам вынужден признать (стр. 4). Преимущественно это «буржуазная пресса Англии и Франции» (*ibid.*), которая не может не отражать злобы дня; и последние главы очерков автора, основанные на ней, конечно, очень быстро окажутся устаревшими. Известным палиативом для восстановления правильного освещения фактов могла бы послужить научная литература Германии, которая и после своей катастрофы продолжает сохранять хорошую осведомленность о Востоке. На нее однако не обращено почти никакого внимания. (На ряду с популярными книжками Vanze автор почти не пользуется его большой, выдержанной во времена войны несколько изданий, книгой о Турции или работой Wirth'a о передней Азии и Египте). Как и всегда в русских работах, в книжке В. Кряжина игнорируется именно русская литература научного характера; единственное исключение сделано для переведенной с немецкого книги Руппина, которая послужила основным источником автора в главе о Сирии (ср. стр. 7). Между тем, образцово редактированный русский перевод книги Юине «Сирия, Ливан и Палестина» мог бы избавить его работу от ряда печальных недоразумений, доходящих до изобретения не существующих городов вслед за переводчиком Руппина (напр., железные копи около «Мажерба» вм. Мейрубы — на стр. 7).

Равным образом книга Адамова «Ирак арабский» не допустила бы фантастического перечисления бедуинских племен в Месопотамии, где упоминается даже Абу Магомет (стр. 84). В русской литературе автор нашел бы некоторые сведения об отражении национальных течений в современной литературе арабов, которой уделяется мало внимания на западе. Благодаря такому